

**МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ
УНІВЕРСИТЕТ імені Г.С. СКОВОРОДИ**

**АРГУМЕНТИ
СУЧАСНОЇ ФІЛОЛОГІЇ:
«НЕСТАЧА» І «БАЖАННЯ»
У ТЕКСТІ**

**Матеріали
Міжнародної наукової конференції**

(2-3 квітня 2021 року)

Харків – 2021

ЗМІСТ

Бакумкина М. А. БОЛЬ ЭПОХИ В РАССКАЗАХ И. С. МАСЛОВА	8
Белімова Т. В. НЕСВІДОМІ МОТИВИ І ПОЧУТТЯ: ПСИХОАНАЛІТИЧНА ІНТЕРПРЕТАЦІЯ РОМАНУ КЕЙТ АТКІНСОН «ЖИТТЯ ЗА ЖИТТЯМ»	13
Bozhko Yu. O. THE IMPORTANCE OF NON-VERBAL COMMUNICATION IN TEACHING AND LEARNING A FOREIGN LANGUAGE	18
Бокшань Г. І. «НЕНАСИЧЕНІСТЬ» СОФІЇ ЯБЛОНСЬКОЇ У ТРЕВЕЛОГАХ ЗБІРКИ «ЛИСТИ З ПАРИЖА. ЛИСТИ З КИТАЮ»	24
Вакуленко К. Р. ВИКОРИСТАННЯ НЕВЕРБАЛЬНИХ ЗАСОБІВ КОМУНІКАЦІЇ НА ЗАНЯТТЯХ З УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ ДЛЯ ІНОЗЕМНИХ СТУДЕНТІВ	29
Ведернікова Т. В. АЛЮЗІЇ ЯК РІЗНОВИД ІНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТІ У ХУДОЖНЬОМУ ТВОРІ.....	33
Веселовська Н., Литвин Н. НЕТИПОВА ЖІНОЧА ПОВЕДІНКА ЯК НАСЛІДОК ПОСТРАВМАТИЧНОГО СТРЕСОВОГО РОЗЛАДУ (НА МАТЕРІАЛІ П'ЄСИ Є. КОНОНЕНКО «МУЖЧИНА ЗА ВИКЛИКОМ»).....	38
Vysotska Natalia “THE PLOT’S GOT ME HOOKED”: METADIEGETIC NARRATIVE AND FEMALE BODY AS INTERCHANGEABLE OBJECTS OF (MALE) DESIRE.....	43
Воробйова О.О. РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАДИГМАХ РЕМЕЙКА НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ В. ПЬЕЦУХА «НАШ ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ»	48
Гайдаш А. В. ІНВЕРСІЯ «СТАДІЇ ДЗЕРКАЛА» У ПІЗНІЙ ЗРІЛОСТІ В РОМАНІ ІРЕН РОЗДОБУДЬКО «ЗІВ’ЯЛІ КВІТИ ВИКИДАЮТЬ».....	53
Голобородько Ю. К. ТВОРЧЕСТВО А. АВЕРЧЕНКО ПЕРИОДА ПРАЖСКОЙ ЭМИГРАЦИИ И ЕГО ОЦЕНКА ЧЕШСКИМИ И СЛОВАЦКИМИ ЛИТЕРАТУРОВЕДАМИ.....	58
Гончарова Ж. Н. ИМПЛИЦИТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В СТИХОТВОРЕНИИ М. РАХЛИНОЙ «КРУГ»	63
Гончарова О. А. МЕЙ СІНКЛЕР І «ПОТІК СВІДОМОСТІ»	68

Зноски

(1) For a detailed discussion of Prose's novel see: Vysotska Natalia (2016). 'Mortal Combat with the Forces of Evil and Sin' on the Campus: Functions of Puritan Intertext in Francine Prose's *Blue Angel*. *Academia in Fact and Fiction*. Ed. by L. Gruszevska-Blaim & M. Moseley. Frankfurt am Main: Peter Lang.

Referenses

- Barthes, R. (1998). *The pleasure of the text*, transl. R. Miller. N.Y.: Hill & Wang.
- Belsey, C. (1994). *Desire. Love stories in Western culture*. L.: Blackwell.
- Clayton, J. (1989). Narrative and theories of desire. *Critical Inquiry*, vol.16, № 1 (Autumn 1989), 33–53.
- Hillis Miller, J. (1990). Narrative. *Critical terms for Literary Study*. Ed. by F. Lentricchia and Th. McLaughlin. Chicago and L.: The Univ. of Chicago Press.
- Prose, F.(2000). *Blue Angel*. N. Y.: Harper Collins.
- Prose, F. (2002). *The Lives of the Muses*. N. Y.: Harper Collins.
- Rebeck, Th. (2002). The butterfly collection. *Women playwrights. The best plays of 2000*. Ed. by D.T.Lepidus. Hanover, NH: Smith and Kraus, 155–218.

РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАДИГМАХ РЕМЕЙКА НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ В. ПЬЕЦУХА «НАШ ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ»

Воробьева О.А. (Харьков)

<http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.4642688>

Abstract

The article analyzes the lexical paradigms of A. Chekhov's story "The Man in a Case" and V. Petsukh's remake "Our Man in a Case". The main tool is paradigmatic analysis aimed at highlighting verbal means in the text aimed at creating a certain system of images and concepts in the reader. Paradigmatic analysis of a remake aims to highlight in the text of the remake the elements that link it to the original text, as well as to investigate their role and functions. In the text of the work of V. P'etsukh, reminiscences related to the story of A. Chekhov are highlighted, their character and role in the text of the remake are investigated. In conclusion, it is concluded that the remakes in the remake serve not only to establish a connection

between the remake and the original text, but also to emphasize the opposition of the two texts.

Key words: paradigmatic analysis, lexical paradigm, secondary text, remake, reminiscence, A. Chekhov, V. P'etsukh.

Несмотря на то, что понятие ремейка активно используется в современных работах по филологии, чёткого и устоявшегося определения у него до сих пор нет. В качестве рабочих были взяты определения, приведённые в Большом энциклопедическом словаре и Словаре литературоведческих терминов. В первом понятие ремейка определено как «исправленный, переделанный или восстановленный вариант художественного произведения» (Rimeyk, 2012в). Во втором – как «обновленная версия старого фильма, песни, а также литературное произведение, в основу которого положен хорошо известный текст. <...> Р. не цитирует и не пародирует источник, а наполняет его новым, актуальным содержанием, однако "с оглядкой" на образец» (Rimeyk, 2012а).

С этой точки зрения повесть В. Пьецуха «Наш человек в футляре» может рассматриваться как ремейк, в качестве претекста которого выступает повесть А. Чехова «Человек в футляре». Целью статьи является анализ трансформации лексических парадигм исходного текста в ремейке, в частности, использования в нём реминисценций.

Парадигматический анализ текста является основным инструментом функционального подхода к тексту. Лексические парадигмы определяются как «слова или более крупные текстовые отрезки, образующие системный ряд как определения одного или близких понятий или формирующие взаимосвязанные перцептивные образы в тексте или группе текстов. Система текстовых парадигм, т. е. гиперпарадигма, рассматривается как содержательная сторона текста, а процесс описания гиперпарадигмы как интерпретация текста» (Stepanchenko (Ed.), 2016). Парадигматический анализ текста направлен на выделение вербальных и невербальных средств текста, способных в совокупности сформировать у читателя определенную систему образов и

понятий. Анализ ремейка как вторичного текста – то есть, текста, имеющего в своей основе некий другой текст, называемый первичным – интересен тем, что вторичный текст заимствует материал первичного, в том числе и его лексические парадигмы, которые в нём трансформируются и начинают играть совершенно другие роли.

В случае ремейка В. Пьецуха «Наш человек в футляре» на повесть А. Чехова «Человек в футляре» интерес представляет использование в парадигмах ремейка реминисценций на первичный текст. Согласно «Литературной энциклопедии терминов и понятий», реминисценция – это «содержащаяся в произведении неявная, косвенная отсылка к другому тексту, напоминание о другом художественном произведении, факте культурной жизни» (Nikolyukina (Ed.), 2001). «Краткая литературная энциклопедия» определяет это понятие как «в худож. произведении ... к.-л. черты, наводящие на воспоминание о др. произведении» (Mogozov, 1971).

Сначала рассмотрим парадигматический строй повести А. Чехова. При анализе произведения А. Чехова можно выделить основную линию противостояния двух образно-понятийных комплексов «Беликов»– «окружающий мир». На уровне парадигматической организации это выражается в противопоставлении друг другу двух групп парадигм. К группе «Беликов» относятся: парадигма ФУТЛЯР (*калоши, зонтик, тёплое пальто на вате, чехол из серой замши, тёмные очки, футляр*), парадигма ДОБРОПОРЯДОЧНОСТЬ (*циркуляры и газетные статьи, запрещалось, осторожность, мнительность, футлярные соображения, чтобы о нем не думали дурно; знаменитую фразу Как бы чего не вышло тоже можно отнести к этой парадигме*), НЕЛЮДИМОСТЬ (*сядет и молчит, человек по натуре одинокий, точно его из дому клещами вытащили, прятался от действительной жизни*). Отдельно стоит отметить парадигму БЛЕКЛОЙ ВНЕШНОСТИ – она невелика по объёму, однако очень важна для создания образа героя (в этом качестве она перекликается с парадигмой ФУТЛЯРА). В её состав входят слова *маленький, бледный, лицо как у хорька, скучен, бледен, скрюченный, поплелся, из*

зеленого стал белым. К перечисленным парадигмам примыкает парадигма СТРАХА: в состав этой парадигмы входят такие слова, как *действительность... пугала его, многолюдная гимназия ... была страшна, противна всему существу его, тревожные сны, учителя боялись его* и т.д.

Парадигмы группы «окружающий мир» описывают различные проявления противоположного Беликову мира. В частности, к этой группе относится парадигма НЕРЕГЛАМЕНТИРОВАННОСТИ, описывающая «нециркулярные» явления действительности: *разрешали драматический кружок, или читальню, или чайную, кто... опаздывал на молебен, проказа гимназистов, домашние спектакли.* Самая выразительная парадигма из группы, относящейся к «окружающему миру» – парадигма ЯРКОЙ ВНЕШНОСТИ, в которой объединены описания внешности брата и сестры Коваленко. К этой парадигме относятся такие слова и выражения, как *молодой, высокий, смуглый, говорит басом, стройная, чернобровая, в вышитой сорочке, чуб из-под фуражки падает на лоб, темные глаза.*

Помимо рассмотренных эксплицитных парадигм, в тексте присутствует еще и имплицитная парадигма НЕЖИВОГО, описывающая Беликова как «мертвого» среди живых. Она проявляется в виде немногочисленных разрозненных лексем, принадлежащих различным эксплицитным парадигмам (*бледный, зеленый, скрюченный, молча*; сравнение спальни с *ящиком*, что вызывает ассоциации с похоронной атрибутикой).

В рассказе В. Пьецуха «Наш человек в футляре» наблюдается совершенно иная ситуация. Самое яркое и заметное отличие – отсутствие противопоставления парадигм «герой-мир»: герой Пьецуха не противостоит миру, а просто от него отгораживается (в начале текста напрямую указывается, что он *во внешний мир не совал носа практически никогда*). В свою очередь, мир не противостоит ему – никаких упоминаний о таком противостоянии (наподобие элементов парадигмы СТРАХ в претексте) в рассказе нет. Противопоставляя характер страхов Беликова и Серпеева, автор отталкивается от знаменитой фразы «*Как бы чего не вышло*», тем самым явно вступая в

полемику с чеховским претекстом. Через отрицание фразы-квинтэссенции чеховского рассказа автор ремейка отрицает саму суть поведения его главного героя: если Беликов добровольно самоустраняется из мира, то Серпеева из него «выгоняют» различные жизненные неприятности, реальные и мнимые, подробно перечисленные в парадигме ОБЪЕКТЫ СТРАХА (*собак, разного рода привратников, милиционеров, прохожих, включая древних старух... грозы, высоты, воды, пищевого отравления, лифтов, смерти*).

Второй яркой парадигмой является парадигма, которой по аналогии с претекстом можно дать название ФУТЛЯРА (*офутляриться, чугунный засов, стены... обил старыми одеялами, избавился от радиоприемника и телевизора*). Эта парадигма значительно отличается от аналогичной в претексте: она не только не отражает внешности героя (за исключением упоминания *очков с диоптриями*), но и значительно меньше по объему и явно играет менее важную роль, чем в претексте. Связь с претекстом устанавливается через лексику *офутляриться*, отсылающую к названию исходного произведения.

Комплексу парадигм, связанных с героем, противостоит парадигма ВНЕШНЕГО МИРА (*злые шалопаи, бабенка с приятным лицом, честила последними словами, пьяный учитель рисования, арестовать и засадить в кутузку, арест*). Если в претексте внешний мир описывался тремя различными парадигмами, преимущественно состоящими из слов с положительной коннотацией (*читать книги, помогать бедным, учить грамоте*; описания Вареньки, например, *новая Афродита возродилась из пены; всех нас очаровала*), то в рассказе Пьецуха все разнообразие мира сводится к одной парадигме, насчитывающей от силы десятков слов, среди которых положительной коннотацией не обладает ни одно.

Приведенный анализ позволяет предположить, что в ремейке осуществляется сложный и масштабный процесс трансформации лексических парадигм. Изменения в составе и конфигурации парадигм служат задачам противопоставления двух текстов – первичного и вторичного. Таким образом, можно сказать, что реминисценции на первичный текст используются в

ремейке для противопоставления первичного текста вторичному и подчёркивания различия (и даже противопоставления) между двумя текстами.

References

- Morozov, A. (1971) *Reministsentsiya. Kratkaya literaturnaya entsiklopediya*. T. 6. S. 254. Moscow: Sov. entsikl. [in Russian].
- Nikolyukina, A.N. (Ed.). (2001). *Reministsentsiya. Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy*. Stb. 870. S.1596. Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennyim naukam RAN: Intelvak [in Russian].
- Rimeyk. (2012a). *Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar*. Retrieved from <https://slovar.cc/enc/bolshoy/2115373.html>
- Rimeyk. (2012b). *Slovar literaturovedcheskih terminov*. Retrieved from <https://slovar.cc/lit/term/2145346.html>
- Stepanchenko, I.I. (2016) (Ed.). *S. Esenin i ego okruzhenie: A. Mariengof – N. Klyuev – S. Klyichkov. Sopostavitelnyiy analiz leksiki. Kollektivnaya monografiya*. Harkov. Izdatel Ivanchenko I. S. [in Russian].

ІНВЕРСІЯ «СТАДІЇ ДЗЕРКАЛА» У ПІЗНІЙ ЗРІЛОСТІ В РОМАНІ ІРЕН РОЗДОБУДЬКО «ЗІВ'ЯЛІ КВІТИ ВИКИДАЮТЬ»

Гайдаш А. В. (Київ)

<http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.4642694>

Abstract

The paper introduces the notion of “mirror stage of old age” developed by Kathleen Woodward (1991) to understand and explain the representations of aging and late adulthood in Western culture. Woodward constructs her concept as “the inverse of mirror stage of infancy proposed by Lacan”. Woodward’s concept explains the phobia of mirror reflections (catoptrophobia) experienced by aged women characters (Edit Beresh and Leda Nizhyna) in Iren Rozdobudko’s novel “Ziv’yalі kviti vikidayut” (2006). In the framework of literary gerontology the ageist representations are outlined and the dynamics of aging of the elderly characters is analyzed. The role of the facilitator (Stefka) between the generations helps establish active strategy of aging of the elderly characters (Edit, Leda, Alfred).